

А. Н. АНДРЕЕВ

Неонигилистический анархизм

Личность бьется в судорогах исканий, томится ожиданием неизвестного, радуется предчувствием будущего и умирает от существующих сумерек сегодняшнего.

Анархисты — эти величайшие носители, быть может, в потенции только, нового духа в старом теле, стоят, как витязи древнеславянского мира, перед тремя дорогами-путями.

Какую из них выбрать, что и как делать? — Они, как рыбы, выброшенные на своей стихии на враждебную им землю, задыхаются.

Они трепещут без живительного кислорода, а нога врага-владельца наступает им на жабры и грубо лишает их последних сил.

Анархисты после своей предпобедной песни, после периода действительно- революционного — до «октябрьских дней», загнаны в ущелье, разбросаны ветром бурным, как листья осенние.

Зеленый цвет молодости и расцвета сил, покрылся желтоватым, хотя красивым, но смертельным загаром.

Октябрьские дни были последней струей, могучей живительной влагой для анархии и анархизма, но этого искусственного дыхания хватило ненадолго — не акклиматизироваться вместо кислороду и водороду и — неизбежный взрыв произошел на Украине.

Правда, об этом не надо забывать, что небольшая только горсточка, случайно и не случайно попавшая в клокочущее море партизано-махновщины, хотела было возродить и делала попытку построить новый мир с новым духом, но.... потерпела крах, да такой, что весь «единый анархизм» раскололся на щепы

и от такой громаднойшей рубки леса осколки полетели во все стороны и будут еще долго поражать так называемых «анархистов-массовиков».

Их попытка извратить анархизм, влить в него несвойственный ему дух, терпела поражение и не скоро они оправятся от удара.

И со своего мировоззрения, не радуясь и не печальясь, я объективно доволен итогом опытов «массовиков» и теперь, больше чем когда-либо говорю: Вы не правы и стояли, и стоите на ложной дороге.

Три пути-дороги, лежащие перед анархистами были: синдикалистский, коммунистический и индивидуалистический.

Но все они колеблются между: признанием полного творчества-строительства и минимального разрушения... или допущением минимума творчества-созидания и максимума разрушения, — вот проблемы анархистов с их балансированием в ту или иную сторону...

Один из этих путей — индивидуалистический имел в виду, как всякий анархизм, — будущее, рисовавшееся, все-таки, *общезитием*, в котором максимум свободы оставался за личностью, а минимум за обществом.

Но от этого дело не изменялось, т. к. полной абсолютной свободы, о которой мечтают анархо-индивидуалисты, в каком бы рассвободном общезитии они не находилась, достигнуть и представить себе, научно-разумно, нельзя, и оставалось лишь верить, т. е. не доказывая, допускать возможное идеальное будущее, не давая ему резкого, конкретного содержания.

Здесь они вполне оставались и остаются утопистами.

И если правые партии, в особенности марксисты, меньшевики и народники, тянут за собой непосильный груз «исторической необходимости» и «реального соотношения сил» и под этой каторжной тяжестью спотыкаются, ползут назад, вниз и сами себя «одергивают» и стопорят, то анархо-индивидуалисты, бременем веры в «будущую социальную гармонию», разрешающую все спорные неразрешимые вопросы сегодняшнего — раздавлены и прижаты к земле.

Их попытка рваться в облака напоминает во всяком случае не Икара¹, все-таки немного, но поднявшегося ввысь, а того первобытного пилота, который одев непосильного веса крылья ринулся с вершины и погиб, раздавленный своим собственным изобретением.

Не внизу и не вверху, не в прошлом и не в будущем спасение личности, оно лишь в текущем, в настоящем.

Все их опыты имеют, в своей основе, филантропию, т. е. благодетельствование будущего индивида и общества.

Но как ясно, что мы не можем руководствоваться идеалом прошлого, так должно бы быть очевидным нелепость рисовать себе будущее по нашему трафарету и плану: для будущего — мы только прошедшее.

Люди будущего будут смеяться, быть может, над нашим желанием их благодетельствовать; их самоидеал, будет так далек от нашего, что мы не сможем быть даже той навозной кучей, годной для удобрения будущей гармонии, над чем так иронизировал Достоевский.

Поклонение прекрасному будущему раю и наши жертвы ему есть худший вид идолопоклонства с человеческим самоподаванием, самоубийством.

Работа на будущее есть совместимость в индивиде двух психологий — Каина и Авеля², в которой я, революционер, являясь в принципе всегда Авелем, осужденным на заклание, становлюсь одновременно своим собственным Каином.

Может ли такая двулика психика, всецело, в настоящем развернуть свои силы, желания, страсти; может ли такая личность одним взмахом удара разрушить стальную стену своей тюрьмы? — Нет! Подняв руку для удара, своим разумом начинает оценивать объективность факта, который она вздумала низвергнуть, и ее рука уже задержана и ее удар, если и бьет, то только по инерции, в пол-удара, и весь эффект, вся сила исчезает.

Вот эта двуликость и есть тот рычаг, который тянет *или вниз, или вверх*, когда наслаждаясь будущей картинкой коммунистического рая говоришь: если и не мы, то потомки наши... достигнут желанной цели, и... первая щель для спасения тела найдена, и первый компромисс-оправдание для существования в настоящем, без всякого удовлетворения жизнью и самим собой — открыт.

Так додумались люди до ада и рая, забыв, что мы, здесь, *на земле* в каждый данный момент *не живем* и тем даем нашим «альтруистическим» актом существование и жизнь *владыкам*, неволе.

Прошлое и будущее — худшие враги свободы, это самые свирепые тираны, из-под которых освободиться и есть задача действительного анархиста-неонигилиста.

Цепь причинности должна быть порвана.

В этом коренное разногласие и расхождение анархо-индивидуалистов и неонигилистов.

Пусть же и другие пытаются осуществить свое *настоящее*, не озираясь назад и не возводя глаз к небу и та надломленность, что появилась у многих, исчезнет; неонигилизм имеет то преимущество перед индивидуализмом, что он в инстинкте и в интеллекте отрицает компромиссы, он не возводит их в принцип, говоря: кусающая собака лучше издохшего льва.

Будущего нет, оно должно воплотиться в нас самих.

Два других пути — синдикалистский и коммунистический имеют один и тот же анархический *идеал* будущего общественного строя.

Но один из них синдикализм, явно поппулистичен, несмотря на выдвинутую им теорию «прямого действия»; он признает переходные стадии, эволюцию в борьбе, т. е. революционно-боевую постепенность; он приспособляясь к массам гонит ее вперед, но не дальше средней линии сознания массы; он сам базируется на стихийно-революционно-творческом сознании масс.

Синдикализм имеет отцом Маркса и мать Бакунина, но родившись от них и купаясь в их волнах он *выплеснул* за борт анархизм настоящего дня, текущего анархического момента; он достиг прямо противоположной цели.

А оторвавшись от анархизма, и все-таки цепляясь за него ручонками — от родителей по наследству, получил инстинкт — он покатился по наклонной плоскости и сам себя изжил и проживает последние анархические ресурсы, чтобы выявить во весь свой рост, если не обывательские интересы, то интересы копейки и минуты — больше получить, меньше работать.

Этим самым он далеко отшвырнул от себя «коммунистический» идеал, но ниточкой еще связан с ним, а в «практике жизни» докатился до программы минимум, т. е. до определения степени возможных завоеваний трудящимся в каждый данный момент.

Но нитка без сомнения будет порвана самой сущностью «массового» движения, которое не может быть иным как только, хотя и с гигантскими шагами, но повседневно-постепенным.

Приемлемость мира — вот их идеология; приемлемость с «прямым действием» и с выигрышем от действия, а последнее может быть только *поппулистичным*.

Одинаковость в идеалах, но полную противоположность в методах с синдикалистами представляют собой анархо-коммунисты.

Коммунисты не вполне исходят из «принципа» «масс», они базируются на личности, но не отрицают значения за стайным бунтом толпы и разжигают его.

Они хотят использовать настроение в массах для создания и осуществления коммунистического идеала, но так чтобы массами не почувствовалось оскорбление, они хотят совместить индивидуальную разнузданность, бунт, со стройной степенностью толпы.

Они в противовес синдикалистам, понимают, что массы не доросли до анархического коммунизма, но они не собираются потакать ей в повседневной борьбе — всегда и всюду их задача толкать вперед без перерывов, без интервалов с грошовыми завоеваниями посредине.

Они не хотят санкционировать побед массы, зная, что эти выигрыши не всегда ведут к последней победе; зная, что масса хочет, после дня битвы, отдохнуть, а ведь это смерти подобно, а ведь сами они неукротимые революционные *perpetum mobile*³.

Стоя на грани между коммунизмом и синдикализмом они находятся в положении неустойчивого равновесия принципов и увлекаясь общим массово-революционным потоком, стирают свой индивидуализм, забывают о личности и ее чаяниях и попадают на цугундер той же массе и делают, вопреки собственному желанию, синдикалистское дело.

Синдикалисты — это люди, допускающие в принципе компромиссы, и не стесняясь признаются в этом; коммунисты же, закрывая перед практикой жизни глаза и не признавая ее разумом, отрицают компромисс, но они льют воду, одни по собственному желанию, а другие, вопреки ему, на синдикалистскую мельницу.

Кому из коммунистов это общая линия схождения с синдикалистами стала ясна, идет к массовикам синдикалистам или бросается и отдается индивидуализму, не порывая окончательно с *idee fixe* анархистов — будущего обетованного эдема.

Должен здесь заметить тем, кто замечать не хочет, что я пишу, критикую и анализирую индивидуализм, имею в виду только индивидуализм анархо-революционный, а не буржуазно-зоологический или либеральный, о котором чаще всего толкуют не только социалисты, но и анархисты, особенно те, кто хочет сбить и задеть своего противника не логикой мысли, не доводами аргументов, а... бычачьим остроумием.

Три попытки, о которых я говорил выше, анархо-революционного творчества разрушения, имевшие место в истории анархической мысли, переплетаясь иногда между собой во всевозможных сочетаниях и цветах, наконец, на наших глазах вылилась, хотя не в совсем новую теорию, но в нечто столь своеобразное, что за автором ее, на страницах наших анналов будет оставлено особое место.

Это теория, по удачному выражению, определена уже как «теория пустоты», и сказано очень метко.

Желая создать «единый анархизм», светящий тремя гранями бытия — коммунизмом, синдикализмом и индивидуализмом, творец этой доктрины и в применении на практике и, по нашему убеждению, действительно оставил от анархизма пустоту.

Это течение слывет, в анархическом мире, как движение анархистов-массовиков и его взяли под свое покровительство так называемые «набатовцы».

Трудно указать, что появилось раньше — «набатовщина» или «единый анархизм», — быть может они одновременно породили друг друга, но теперь они стали синонимом и расколоть их, не убивая обоих, нельзя.

Но история последних дней, если не олетаргила их, то без сомнения, нанесла им смертельную рану.

Как долго протянется агония, сказать трудно; можно думать, что с кончиной махновщины, наступит конец и им, и к этому движению я теперь перехожу.

Коснуться анархо-махновско-набатовского течения я здесь могу только отчасти, так как оно требует специальных, больших работ и лишь после того, когда вся картина предстанет перед нами полностью, — а этого мы еще сделать не можем за отсутствием сырого материала.

«Единый анархизм», почувствовав под собой возможность реального осуществления в царство Махно, соприкасаясь с действительностью превратился в социализм — о чем ясно говорится в «проекте декларации революционной повстанческой армии Украины» (махновцев).

В ней, в этой своего рода конституции, проводится мысль о необходимости *судов* за преступление, признается оставить пока, но только упорядочив, денежную систему и т. п., т. е. всё то, что имеется в багаже разных программ-минимум[ов] и сторонников переходных стадий.

«Третья стадия» революции, о которой так много говорят «набатовцы», далеко еще не наступила на Украине и в Махновии — как это утверждали триединые анархисты.

Наоборот, то, против чего боролась анархо-махновщина — комиссародержавие, там, у них, на Украине превратилось в «безвластное властничество».

Строительство жизни на новых началах, которое должно быть положено во главу угла «единого анархизма», оказалось неосуществимым, и не потому только, что краткость времени этого не позволила, а вследствие того, что масса *не может творить анархически*, что еще не разрушена та рабская психология, что на каждом шагу шла наперекор идеально-хозяйственным желаниям.

Всё, против чего боролись и воюют в Совдепии, имеет место и на Махновской Украине; все причины не дававшие осуществить анархизм в Великороссии были налицо и в Малороссии; и ошибка, положенная в основу «единого анархизма», будет и была ошибкой везде и всюду.

А это дает мне право утверждать, что три пути, имевшиеся у анархистов, и четвертый, вновь только что представленный — ошибочен *и не анархистичен*.

Мое глубокое убеждение укрепляет меня в мысли, что анархическая идеология треснула по всем швам и никакие заплаточки и закройщики не смогут связать разорванное и это бесполезно.

Анархизм будет очищен от буржуазных внесенных в него идеологий и станет неонигилизмом т. е. — массовое строительство экономической жизни и всякое творчество-созидание — отринется анархистами.

Анархисты в ближайшем будущем расколются на два принципиально непримиримых положения — строителей-массовиков, с одной стороны, и разрушителей-индивидуалистов — с другой.

Оставаясь чистым бунтарско-революционным учением анархизм, наконец-то, найдет себя и резко отмежуеться от массового анархизма, который по существу не революционен и не анархистичен. Указанная ошибка завела нашу великую идею в тупик, из которого надо выйти во что бы то ни стало, и эта задача стоит теперь перед нами во всей своей громадности.

Когда я говорю о чистом разрушении, я не имею в виду рвать телеграфные столбы и будочки милиционеров, нет: вся суть в том, чтобы разрушить буржуазно-ложно трудовую психологию, чтобы

свергнуть в умах людей и в жизни всех и всякого рода владык, мешающих войти в жизнь.

И личность, самоосвободившаяся и самоосвобождающаяся, не может и не имеет надобности творить, пока устои современности не порваны и не уничтожены.

* * *

«Один делегат анархист-индивидуалист остался недоволен обеими резолюциями о Совете Р. С. и К. Д. и внес собственную резолюцию, отрицающую в корне всякое вхождение в Советы, считая их учреждениями власти. Резолюцию эту приводим ниже. Конференция анархистов гор. России в Харькове, с 18–22 июля 1917».

Мы, анархисты, коренным образом отрицаем власть. Мы глубоко убеждены, что организация людей государственников всегда приводит в желание властвовать над кем-то.

Теперь, когда люди так несовершенны, так привыкли трафаретно мыслить, так отвыкли от самостоятельности, что общее единодушное решение ими какого-либо вопроса... есть явление отрицательное; хотя не только социалисты, но даже и анархосиндикалисты правого крыла, допускают решение вопросов голосованием, подсчетом языков, а не умов, не истин. Приходится сознаться, что нескоро человечество отвыкнет действовать и мыслить на собственный риск, за собственный довод и вывод, ведь голосование есть апелляция не к истине, а к количеству. Всякое собрание, всякое общество, организующее себя, прибегает к подсчету голосов, к арифметике, именно там, где нужен только доклад, слово, действие. Голосование — это поклонение новому богу — большинству.

Анархистам голосование не нужно. При организации какого-либо союза, при посылке депутатов — что вытекает из группировок государственников, представители должны выражать только волю большинства, т. е. должны потерять свою волю, а это ничего общего же имеет со свободой индивидуума; если же представитель будет защищать свою волю, он нарушает волю поручителей. — Это тоже никуда не годится. Поручая свою волю другому, мы отказываемся от своей личности, превращаясь и простой «почтовый ящик», мы становимся автоматами, а не людьми и, конечно, не анархистами.

До сих пор парламентские кафедры были громоотводами, через которые мирным образом рассеивался народный гнев; они

являются скальпелями, вскрывающими язву так тихо и безболезненно, что больное общество чувствовало себя прекрасно и не замечало, что вся основа социального организма поражена общей болезнью.

Учредительное Собрание и др. подобные коллективы — это гнойный нарост, отравляющий мозги человечества, это подпорки, ходули, без которых человечество рухнуло бы в хаос, и уже потому является реакционным явлением; гипнотизируя массы, не давая им развиваться, целительно встряхнуться от навеянных грез, парламентаризм — это тормоз Анархизма и Свободы. *Децентрализация воли, индивидуализация воли* — вот что очистит мир больной от заразы умственной, от паралича воли.

Советы в своих основах реакционны, они санкционируют программы-минимум, постепеновщину.

Не учредительное Собрание, и не Парламенты делают революцию, а потому они не нужны; они стопорят революционный ход, а потому они вредны и подлежат уничтожению.

Неонигилизм

Безумными прозвали нас —
Мы слишком многого хотим,
Глупцы. Ярмо цепей для вас,
Как паутины нить, не видно,
Но мы в тюрьме не можем жить!

Анархисты стоят на распутье; они подобно звездной туманности не могут выявить себя резко определенно.

Читая статьи современных анархистов в их прессе, замечаешь повторение задов, сданных давно в архив гнилой и истертой истории, или видишь попытки закрыйщиков, желающих шить костюм, годный для всех.

В последнем случае, чаще всего, они превращаются в Тришек, которые, до того усердствовали, что от их анархизма воротник лишь остался; но они имеют смелость или глупость величать себя великими мастерами и бьют об этом на всех перекрестках в набат.

Они мнят себя колумбами XXI-го столетия и думают, открывают новую эру. Но все это было бы не так важно, если бы они